

Предисловие к разговору, который состоялся на берегу Оки, так как лучшее место в этот жаркий июньский день трудно было сыскать.

Научный биологический центр мирового значения. Важные корпуса и названия: институт биофизики, институт фотосинтеза, отдел проблем памяти. Говорят, здесь собраны специалисты по ядерной физике, химии, радиотехнике, математике. Но все они творят во имя биологии, впрочем, оставаясь при этом физиками, химиками и т. д. Синтез наук.

Загадочные молодые люди, худые и спортивные, имя которым — ученые (втайне робую). Пущино. Академгородок шестилетнего возраста. Выстраиваются, как на военном параде, девятиэтажные дома с лоджиями. Внизу — чудо Оки: сиреневые, медленно меркнущие вечера; катание на лодках и одинокий, но энергичный соловей в прибрежных кустах.

Встретились мне вечером на берегу двое мужчин: молодой — папа и маленький — сын. Миновали мы друг друга в молчаливом отчуждении незнакомцев. А наутро выяснилось, что один из этой пары, а именно папа, и есть тот самый человек, ради которого я приехала в Пущино.

Владимир Иванович Дещеревский. Настолько молодой ученый, что его еще можно называть Володей. Младший научный сотрудник Института биофизики, которым руководит крупный советский ученый академик Глеб Михайлович Франк, сделал работу «Кинетическая теория мышечного сокращения». Представил ее на областной конкурс работ молодых ученых, организованный МК ВЛКСМ, МОС НТО и МОС ВОИР. Получил одну из трех первых премий. Отзывы специалистов о работе — самые восторженные. Идея, предложенная Дещеревским, нова, остроумна, свежа.

— О чем же ваша работа, Володя?

Он сказал:
— Вообще наша лаборатория занимается исследованием конформационной подвижности мышечного белка...

Далее цитировать дословно нет никакой возможности; в моей тетради сбивчивые записи; макромолекулы, ферментативный катализ, математическая модель. Короче говоря, в работе Дещеревского предложена теория,

«КОНЦЕПЦИЯ ДЕЩЕРЕВСКОГО»

которая по-новому связывает молекулярную структуру мышцы с её физиологическими свойствами.

— А что это дает?
— В теории — очень интересные перспективы. Практически ни один физиологический процесс не обходится без сокращения мышц: начиная от кровообращения, кончая распространением нервного импульса. По-моему, самые интересные белки, которые создала эволюция, — это мышечные белки. И понять, как они работают, значит понять на очень глубоком уровне все физиологические процессы в человеке, значит научиться управлять ими.

По сути дела это база всей функциональной физиологии.

— Вы окончили физфак МГУ, а занимаетесь биологией. Почему?
— Вообще-то я хотел стать геологом. Пришел после окончания школы на геофак, а там дикий конкурс. Узнал: на физфаке есть кафедра геофизики, там занимаются примерно тем же, что в геологии, только с большим уклоном в физику. Пришел я туда посоветоваться. Мне сказали: «Молодой человек, здесь наука настоящая. Здесь вы будете не только бродягой, но еще и ученым».

Поступил. Два года проучился. После двух лет у нас специализация. Собирались стать геофизиком. А тут поехали мы в колхоз на картошку, и там я познакомился с ребятами, которые занимались в лаборатории биофизики (кафедры еще не было, ее организовали позже).

По сути дела ее создали эти студенты, тогдашние второкурсники, энтузиасты биофизики. Сами подобрали кандидатов в преподаватели. Привели на факультет Блюменфельда, Шноля и Корниенко. Не будь их, ничего бы вообще не было.

Поговорил я с ребятами. Послушал лекции Блюменфельда. Понял, что биофизика интересней, чем геофизика. Пошел

туда. С трудом прошел собеседование. Но взял.

Так я начал заниматься биофизикой. У нашего руководителя Шноля есть интересные мысли по формированию творческого коллектива. Он предлагает создавать молодежные лаборатории. Состав такой: выпускники института, затем люди примерно моей категории, окончившие 5—6 лет назад, и один-двое «дядек-наставников». Коллектив обозначает для себя рамки научного поиска, но узкого детерминированного направления в работе ему не нужно.

Правда, право на творчество «купеается» выполнением хозяйственных тем. Проходит пять лет. Если человек успел что-то сделать, заявить о себе, значит можно сказать, что он сформировался как специалист. Если нет — надо попробовать себя в другой лаборатории или вообще подумать, стоит ли продолжать научную деятельность.

При этом научный руководитель выполняет роль консультанта, советчика, но сам не давит, не заставляет: иди туда, а не сюда. По-моему, это оптимальные взаимоотношения в сфере научной работы.

— Как строится ваш рабочий день?

— По-разному. Работаю несистематично. Прихожу в девять, полдесятого. С утра много разговоров с товарищами. Если не надо писать бумажки и переводить (это я не считаю делом), работать с моделью начинаю где-то в четыре. Если не моя очередь брать Лешку из детсада, то сижу часов до десяти.

Еще бывают у нас семинары, когда каждый как бы отчитывается перед всеми о том, что он делает. Когда долго один работаешь, понижается критичность к себе. На семинаре надо рассказывать, чтобы суть твоей — работы все понял до конца. Если тебя не понимают, это признак того, что где-то сам не додумал. Семинары

очень много дают в смысле информации.

А в общем, когда думаем, тогда и работаем. У меня, например, основная идея теории возникла, когда ехал в электричке. С нее все началось, поэтому так запомнилось. Впрочем, к делу это не имеет отношения...

— Чем вы собираетесь заниматься дальше?

— Ну, мне хватит работы с моей моделью намного вперед. Попытаюсь на ней извлечь какие возможно характеристики о механо-химических свойствах мышечных белков. Есть еще очень привлекательная область биофизики — ферментативный катализ. В двух словах: исследовать его, значит попытаться объяснить причины высокой специфичности и высокой скорости химических реакций, происходящих в живых организмах. Если в ближайшие годы ферментативный катализ будет не весь изучен, займусь им.

— Это любимые ваши темы в науке. А «любимая тема» свободного времени?

— Да его у меня мало, свободного времени. Видите ли, каждый делает то, что ему приятнее. Мне приятнее всего или заниматься делом, или гулять с сыном.

— Кто из ученых в истории мировой науки более всего импонирует вам?

— Я высоко ставлю гений Ньютона. Он не только открыл известные теперь каждому школьнику законы, но и создал математический аппарат, который сделал их действительными, полезными для нас.

Из современных мне нравится Эндрю Хаксли. Нобелевский лауреат, исследует мышцу. Он сочетает в себе блестящее искусство экспериментатора и теоретическое мышление. Он разносторонний ученый.

— Разносторонность — это много?

— В биофизике разносторонность — это все. Да и, пожалуй, не только в биофизике.

— Где, по-вашему,

проходит граница «самого творческого возраста» ученого?

— Ну... я еще не прошел всего пути, чтобы сказать, какой возраст был наиболее плодотворным. Вот поработаю еще несколько годочков, тогда скажу.

— Володя, честолюбие играет какую-нибудь роль в вашей деятельности?

— Конечно. Если б сейчас кто-нибудь придумал то же самое и начал толкать мою идею как свою, я б... я б рассвирепел. Но вообще я считаю, что наука в наше время — не та область, в которой можно прославиться.

— Вы не надеетесь, что ваше имя узнают потомки?

— Нет.

— А хотелось бы?

— Трудно сказать. Пожалуй, мне это безразлично.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Руководитель лаборатории, где работает Володя, С. Э. Шноль (его имя не раз встречалось в нашем разговоре) в своем отзыве о нем бранил как уже привычное и устойчивое: «концепция Дещеревского». Впрочем, суждения Шноля о Дещеревском показались мне столь исчерпывающими и изящными по способу выражения, что хочется привести их здесь полностью и дословно:

«Владимир Иванович Дещеревский имеет математический склад ума, физический образ мышления и достаточно глубокое биологическое образование. Все это в комплексе встречается весьма редко.

Он был одним из первых, кто безоговорочно порвал с Москвой и приехал сюда. А ведь он как выпускник очень высокого класса мог бы остаться в Москве, в аспирантуре. Но Володя хотел заниматься научными исследованиями в Пущине.

Это не случайно. Это стиль человека.

В нашей среде он высоко ценится... м-м... обликом своим. Такая бескомпромиссная справедливость.

Диссертацию он еще не защитил, просто не успел: работает дни и ночи. Впрочем, проблемы написания диссертации для него не существует. Нужно только выбрать время переплести труды.

По своему научному профилю Дещеревский — не разработчик. Он из тех, кто делает принципиальные шаги».